Генерал Армии Алексей Антонов

С Штеменко

SHOUT
SHARE
IT

- Штеменко С

Штеменко С
Генерал Армии Алексей Антонов

С. ШТЕМЕНКО

ГЕНЕРАЛ АРМИИ АЛЕКСЕЙ АНТОНОВ

1916 год. Первая мировая война в разгаре. Воюющие державы призывают под ружье все новые контингенты мужчин и бросают их в пекло сражений... В этот год на призывной пункт вызвали и Алексея Антонова. Как ни странно, но для него призыв в армию означал возобновление прерванной незадолго до этого учебы. Это было даже нечто вроде удачи в цепи потрясений, которые довелось пережить ему в последние годы.

Алексей Иннокентьевич Антонов родился 15 сентября 1896 года в городе Гродно в семье командира батареи царской армии. Жизнь семьи офицера невысокого ранга в небольшом крепостном гарнизоне никогда не была легкой. И все же, пока служил отец, у нее были средства к существованию. Отец умер, когда сыну Алексею не исполнилось и двенадцати лет. А в 1914 году умерла мать. С ее смертью прекратилась выдача пенсии за отца. Теперь жить было уже совсем не на что. По совету знакомых Алексей Антонов перебрался в Петроград. Здесь он все-таки закончил гимназию без оплаты за обучение как неимущий сын офицера. В 1915 году поступил даже в университет. Учиться, однако, не пришлось, нужда заставила пойти работать на завод.

И вот теперь, после призыва в армию, его, как бывшего студента, направили в Павловское военное училище. Ускоренный курс обучения военного времени был закончен к декабрю того же года. Затем новоиспеченного прапорщика Антонова зачислили в егерский полк. В июле 1917 года он уже участвовал в затеянном Временным правительством бессмысленном и безнадежном наступлении. В боях получил ранение, был награжден орденом за храбрость.

Боевая служба прапорщика Алексея Антонова проходила в бурные дни революционных событий. Страна шла от Февральской буржуазно-демократической революции к пролетарскому Октябрю. Кипела солдатская масса на фронте, и молодой офицер, чутко принимавший к сердцу чаяния и тревоги народа, все более сближался с людьми в серых шинелях - солдатами. Его избрали помощником полкового адъютанта. В этой должности в составе полка он участвовал в разгроме корниловского мятежа и принял всей душой Великую Октябрьскую социалистическую революцию. По расформировании частей царской армии А. И. Антонов 1 мая

1918 года уволился в запас. До апреля 1919 года работал в продовольственном комитете Петрограда.

В запасе пришлось быть недолго. Иностранные интервенты и внутренняя контрреволюция развязали в стране гражданскую войну. В. И. Ленин и Коммунистическая партия организовали вооруженный отпор врагам. Миллионами штыков ощетинилась созданная в ходе войны Красная Армия.

1919 год был для Советской России годом трудным и славным. Полчища врагов рвались к самому сердцу Страны Советов. Однако не пришлось им торжествовать. На зов партии "Все на борьбу с Деникиным!" откликнулись сотни тысяч рабочих, крестьян, представителей трудовой интеллигенции, которые остановили, а затем и разгромили врага.

В жизни Антонова наступил новый этап - 11 апреля 1919 года он встал под боевые красные знамена и с тех пор непрерывно шел в рядах воинов Советских Вооруженных Сил. Сначала Первая Московская рабочая, затем Пятнадцатая Инзенская дивизия, где он служил на штабных должностях. В их составе он бил врага под Луганском и Лисками, под Валуйками и Волчанском, Коротояком, Ростовом-на-Дону и Азовом. В марте 1920 года Антонов был участником завершающих боев против деникинцев на Северном Кавказе и добивал последних белогвардейцев в Новороссийске. Затем, уже на заключительном этапе войны, он вначале участвовал в отражении войск Врангеля, наступавших из Крыма, а в ноябре 1920 года в составе той же Пятнадцатой Инзенской дивизии, которая форсировала Сиваш, сражался против армии белых в Крыму.

Мирные годы между гражданской и Великой Отечественной войнами были для Алексея Иннокентьевича Антонова временем глубокой и напряженной учебы и работы по укреплению боеготовности частей и соединений Советской Армии, периодом становления как коммуниста и военачальника с большим общим политическим и военным кругозором. В 1926 году тридцатилетний красный командир вступает в кандидаты РКП (б). Через два года он член партии и слушатель основного (командного) факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе.

В процессе учебы выявились его большие способности к военному делу, склонность к научным исследованиям и аналитический склад ума. В стенах академии Антонов успешно осваивает французский язык и получает квалификацию военного переводчика. Он окреп физически, стал выносливым, научился отлично стрелять. Его аккуратность, настойчивость и добросовестность, живой пытливый ум обращают на себя внимание начальников. "В общественной и партийной работе

силен", - отмечается в одной из аттестаций, написанных тогда на А. И. Антонова.

После окончания академии, проработав некоторое время в войсках на должности начальника штаба Сорок шестой стрелковой дивизии, Алексей Иннокентьевич вновь вернулся к учебе и в 1933 году окончил оперативный факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе. Эту академию окончили многие знаменитые в будущем советские военачальники - И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин, П. С. Рыбалко, Я. Н. Федоренко, М. С. Малинин, И. Х. Баграмян, В. В. Курасов и другие, - чьи дарования широко раскрылись в годы Великой Отечественной войны. Учеба на оперативном факультете Военной академии стала важной ступенью роста теоретических знаний и практических навыков А. И. Антонова. Он формировался и вырастал в крупного военного специалиста-оператора. "Отличный оперативно-штабной работник. Готов для работы в высших штабах" - так с большим предвидением характеризовал его начальник и комиссар факультета Г. С. Иссерсон.

По окончании оперативного факультета А. И. Антонов служил последовательно начальником штаба Сорок шестой стрелковой дивизии, укрепленного района и начальником Первого (оперативного) отдела штаба Харьковского военного округа. Несмотря на большую загруженность служебными делами, он постоянно стремился к расширению и обогащению своего военного кругозора, повышению знаний. Работа в штабе военного, округа способствовала развитию его эрудиции и общей культуры. Следует отметить, что Алексей Иннокентьевич не останавливался на достигнутом, постоянно расширял свой общий и военный кругозор, отличался исключительной работоспособностью.

Учтя выдающиеся способности А. И. Антонова, командование округа в 1936 году направило его учиться в открывшуюся тогда Академию Генерального штаба РККА. Создание этого высшего военно-учебного заведения было ведением времени. Красная Армия, во всех отношениях вполне современная, не имела еще в необходимом количестве кадров с высокой оперативно-стратегической подготовкой. Вплоть до 1936 года командный состав, призванный руководить такими войсковыми оперативными объединениями, как армия и фронт, готовился только на одногодичном факультете Академии имени М. В. Фрунзе. Но во второй половине тридцатых годов жизнь настоятельно потребовала наладить более массовую и глубокую подготовку руководящих военных кадров. К тому же надо было развивать теорию оперативного искусства, чем Академия имени

М. В. Фрунзе из-за своего профиля в должных размерах заниматься не могла. Учитывая все это, Коммунистическая партия и Советское правительство и приняли решение об организации нового высшего военно-учебного заведения Советских Вооруженных Сил.

В Академию Генерального штаба собрали весь цвет тогдашних теоретиков военного дела. Среди них - В. А. Меликов, Д. М. Карбышев, Н. Н. Шварц, А. И. Готовцев, Г. С. Иссерсон, А. В. Кирпичников, Н. А. Левицкий, Н. И. Трубецкой, Ф. П. Шафалович, Е. А. Шиловский, В. К. Мордвинов, П. П. Ионов. Многим из профессоров Алексей Иннокентьевич Антонов был уже известен по предшествующим годам учебы на основном, а затем и на оперативном факультете Академии имени М. В. Фрунзе.

В свою очередь, Антонову также не нужно было привыкать к манере чтения и ведения семинарских занятий тем или иным преподавателем. У него, кстати, как и у очень многих других слушателей академии, особой популярностью пользовался Дмитрий Михайлович Карбышев, ученый-инженер, умевший преподнести свой, казалось бы, "сухой предмет" очень остроумно, оригинально. Простыми методами он помогал слушателям запоминать сложные технические расчеты. Вот, например, в его интерпретации формула для расчета сил и средств оборудования позиций заграждениями из колючей проволоки, удобная для запоминания: один батальон, один час, один километр, одна тонна, один ряд. Шутники-острословы переиначили ее: один сапер, один топор, один день, один пень. Шутка дошла до Карбышева и нисколько не обидела его. Он ценил острое слово и сам при случае любил пошутить. Пожалуй, ни одна из его лекций не обходилась без этого.

Более строгими по тону, более "академичными", но столь же глубокими, содержательными были лекции Г. С. Иссерсона по оперативному искусству и стратегии, а также лекции по тактике высших соединений, которые читал А. В. Голубев. Отлично знали свой предмет и были великолепными методистами такие талантливые преподаватели, как А. В. Кирпичников, В. К. Мордвинов, Е. А. Шиловский, С. Н. Красильников.

Очень сильный в академии подобрался и состав военных историков. Они умели строить свои лекции таким образом, что слушателям была ясно видна не только общая линия развития армий и способов военных действий, но и то, что с пользой можно взять из прошлого для современности. Особенно выделялся в этом отношении В. А. Меликов, с увлечением читавший историю первой мировой войны. Автор этих строк хорошо помнит, как иногда он увлечется настолько, что сядет,

бывало, лицом к схемам, развешанным на стойках, и ведет свой интересный красочный рассказ, повернувшись спиной к аудитории. Звенит звонок на перерыв, а лекция все продолжается. И даже завзятые курильщики не спешат уйти на перерыв. Только когда в классе появляется другой преподаватель, слушатели отрываются наконец от битв на Марне или драматических событий в Августовских лесах.

С таким же жаром читал историю русско-японской войны профессор Н. А. Левицкий. Он так же свободно излагал материал и так же покорял слушателей подробностями и перипетиями сражения или боя, воссоздавая зримую картину борьбы воли и ума военачальников.

Я считаю необходимым это небольшое отступление о преподавателях Академии Генерального штаба предвоенных лет для того, чтобы подчеркнуть лишний раз, что собравшимся туда на учебу командирам было у кого и чему учиться. И надо ли говорить, что Алексей Иннокентьевич Антонов полностью использовал предоставившуюся возможность серьезно пополнить свои военно-теоретические знания и навыки, которые необходимы военачальнику в его деятельности. Он не терял времени даром.

Окончив академию, в годы перед Великой Отечественной войной А. И. Антонов одно время служил начальником штаба Московского военного округа, затем готовил кадры командиров, работая на кафедре общей тактики Военной академии имени М. В. Фрунзе. Вторая мировая война вынуждала ускорить создание массовых контингентов хорошо подготовленных командиров частей и подразделений Советской Армии, и Антонов полностью отдавал себя этому важному и трудному делу.

Великая Отечественная война застала А. И. Антонова на посту заместителя начальника штаба Киевского особого военного округа. Теперь, когда началась невиданная по напряженности и ожесточению вооруженная борьба, когда дело шло о свободе и независимости Советского государства, о победе над наиболее сильным, коварным и отлично подготовленным врагом, каким являлась гитлеровская армия, военно-стратегические дарования Алексея Иннокентьевича развернулись в полную силу. С первых дней войны он возглавил группу, предназначенную для формирования управления Южного фронта. Поставленную задачу успешно выполнил и в августе 1941 года был назначен начальником штаба этого фронта. В июле 1942 года Антонов занял такую же должность вначале на Северо-Кавказском, а затем на Кавказском фронтах. Его действия на посту начальника штаба фронтов, где отличные знания должны были подкрепляться

незаурядными организаторскими способностями, умением проникнуть в замыслы врага и затем предложить способы для их разрушения, были такими четкими и целесообразными, что обратили на себя внимание высших начальников.

Вся последующая деятельность Алексея Иннокентьевича связана с Генеральным штабом Вооруженных Сил Советского Союза. Вот на ней-то я позволю себе остановиться более подробно. Я считаю необходимым сделать это потому, что было бы слишком упрощенным рисовать образ А. И. Антонова, ограничиваясь общими мазками, свойственными краткой биографической справке. Кроме того, моя собственная судьба сложилась так, что начиная с весны 1940 года я нес службу в Генеральном штабе и поэтому с момента прихода туда А. И. Антонова имел возможность работать и постоянно с ним общаться.

С прибытия А. И. Антонова в Генштаб я и продолжу свой рассказ, сделав предварительно еще одно небольшое отступление для пояснения.

В нашей литературе Генштабу не повезло. О нем, как и о Ставке Верховного Главнокомандования, до последнего времени ничего почти не было написано. А если в каких-то книгах и заходила речь об этом, то преимущественно в смысле отрицательном: дескать, сидели там в шикарных кабинетах люди, совершенно оторванные от жизни, и пытались управлять войной по глобусу.

К счастью, на самом деле было не так. Ставка Верховного Главнокомандования и ее рабочий орган - Генеральный штаб - твердо держали в своих руках и планирование кампаний войны, и руководство операциями, распоряжались резервами, тщательнейшим образом следили за развитием событий на огромных пространствах, охваченных войной. Ни один поворот фронта или армий не проходил без их ведома. Ни на минуту не утрачивались здесь живые контакты с войсками. Представители Ставки и Генерального штаба все время находились на решающих участках в действующей армии, контролировали исполнение директив и приказов Верховного Главнокомандующего, вносили свои предложения по ходу боев.

О том, что Ставка и Генеральный штаб успешно справлялись со своими задачами, свидетельствуют итоги Великой Отечественной войны. В соревновании воли, знаний, искусства управления войсками они одержали верх над высшим военным руководством гитлеровской Германии. Как бы вы ни были молоды, читатель, или далеки от военного дела, вы в состоянии разобраться, что именно в этом заключается главный критерий,

позволяющий правильно оценить все то, что было свершено всеми советскими людьми, и в том числе теми, кто стоял у руководства вооруженной борьбой в годы минувшей войны.

Коллектив Генерального штаба внес свою немалую лепту в достижение великой нашей победы над врагом. Я хочу подчеркнуть заслугу именно коллектива, потому что только коллективный разум и коллективный опыт в состоянии были охватить с должной полнотой явления войны и найти пути правильного решения труднейших задач, возникавших перед Вооруженными Силами. Однако всякий коллектив слагается из отдельных лиц - руководителей и исполнителей.

Алексей Иннокентьевич Антонов и был одним из тех руководителей Генерального штаба, кто отдал всего себя без остатка порученному народом и партией делу и испытал на своих плечах бремя ответственности за решение сложнейших задач вооруженной борьбы.

В июне 1942 вода Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников из-за крайнего нездоровья был вынужден покинуть пост начальника Генерального штаба и перейти на более спокойную работу начальника Высшей военной академии. На его место был назначен -А. М. Василевский, ранее возглавлявший Оперативное управление Генштаба.

Александр Михайлович Василевский почти с самого начала Великой Отечественной войны - с 25 августа 1941 года - возглавлял Оперативное управление и одновременно был заместителем начальника Генерального штаба. Глубокое знание природы войны и способность предвидеть ход и исход самых сложных сражений выдвинули его впоследствии в первый ряд советских военных руководителей.

Авторитет Василевского, вполне понятно, повышал значение повседневной работы и всего коллектива Оперативного управления. Уход Василевского чрезвычайно тяжело сказался на работе этого ведущего в Генеральном штабе управления. Начался период смены начальников. В течение каких-нибудь полугода эту должность занимали генералы А. И. Бодин, дважды А. Н. Боголюбов, В. Д. Иванов, а между ними временно исполняли обязанности генералы П. Г. Тихомиров, П. П. Вечный и Ш. Н. Гениатуллин.

Положение осложнялось тем, что по условиям работы Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский уже и после назначения на должность начальника Генерального штаба большую часть времени находился на фронтах и не мог руководить Генштабом. Сталин посылал его туда всякий раз, когда возникала необходимость поглубже проанализировать тот

или иной вопрос и выработать наиболее верное решение, сформулированное в виде готовых предложений. Работу начальника Генштаба в таких случаях по необходимости исполнял комиссар Генштаба генерал-майор Ф. Е. Боков - прекрасный человек, хороший партийный работник, но для выполнения чисто оперативной функции не подготовленный.

Длительные разъезды по фронтам начальника Генерального штаба, частая смена начальников Оперативного управления создали у нас атмосферу нервозности, из-за чего нередко нарушались ритм и четкость в работе. За короткое время пребывания во главе управления никто из вновь назначаемых начальников не успевал как следует войти в курс дела, врасти в обстановку, а значит, и не мог уверенно чувствовать себя при выезде в Ставку для доклада. Приходилось "на всякий случай" держать возле себя начальников направлений - вдруг понадобится какая-либо справка. В "предбаннике", как мы называли приемную начальника Оперативного управления, всегда было полно народу. Некоторые и здесь пытались что-то сделать, сидели, склонившись над какими-то документами, но большинство теряло время попусту, протирая диваны. Иногда из Ставки звонили по телефону, кто-нибудь из офицеров отвечал на поставленный вопрос, и потом опять все погружалось в ожидание. Иногда в Ставку вызывались начальники направлений для более детального доклада. Вот такой была обстановка, в которой проходила работа Генштаба летом и осенью 1942 года.

Отлично понимая, сколь отрицательно сказывается на работе Генштаба частое отсутствие на месте его начальника, Александр Михайлович настойчиво искал себе достойного заместителя. И такой человек был найден. В начале декабря мы узнали, что на должность начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба по рекомендации А. М. Василевского назначен генерал-лейтенант А. И. Антонов, занимавший до того пост начальника штаба Закавказского фронта. Многие его знали и одобрительно отзывались о нем. Другие, скептики, говорили, что судить будут после двух-трех поездок в Ставку: как он с этим справится.

Вскоре А. И. Антонов прибыл в Москву. Мне пришлось его встречать, так как в то время я возглавлял южное направление.

Уже с первых дней работы в управлении почувствовалось, что прибыл недюжинный человек и большой знаток штабной службы и что теперь дело пойдет. Антонов повел себя очень умно. Он детально знакомился с людьми, тщательно изучал оперативную обстановку на фронтах и не спешил с докладом в Ставку, как его предшественники, а сразу же с головой окунулся в текущие дела

Оперативного управления. Суточный цикл в нем, как и во всем Генеральном штабе, начинался с семи утра. В этот час начальники направлений, ведавшие каждый делами одного фронта, приступали к сбору обстановки за прошедшую ночь. К каждому из них являлся представитель разведки и уточнял на карте данные о противнике. Одновременно обобщались сведения о положении и состоянии своих войск. В этом начальникам направлений помогали все другие органы Генштаба, каждый по роду своей деятельности.

А у начальника Оперативного управления не смолкали телефонные звонки. Он вел переговоры с начальниками штабов фронтов, лично уточнял обстановку. Они обязательно звонили сами, если в течение ночи был достигнут серьезный успех, занят важный пункт. При неудачах со звонками не спешили. Но когда гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе: в этом случае приходилось вызывать на провод "запоздавшего", и истина прояснялась.

По мере готовности материалов появлялись с докладами начальники направлений. Само собою разумеется, доклады эти не были длинными. Мы все детально знали обстановку, и поэтому часто докладчик не произносил ни слова, а просто сверял свою карту с картой начальника управления, разложенной на столе. Если обнаруживались какие-то расхождения, он обращал на них внимание начальника, говорил, что надо дополнить. В иных случаях у начальника Оперативного управления были более свежие данные, полученные в результате переговоров со штабом фронта. При таком стечении обстоятельств начальник направления вносил исправления на свою карту. И лишь изредка, когда расхождения оказывались слишком уж значительными или по каким-то другим причинам возникали сомнения относительно истинного положения войск, тут же еще раз вызывали по ВЧ штаб фронта для нового уточнения обстановки.

Осваиваясь со всем этим порядком работы, генерал А. И. Антонов выразил неудовлетворенность ведением обстановки на картах. Она велась на каждом направлении по-разному, и ее трудно было читать без помощи автора карты. Впоследствии с помощью Алексея Иннокентьевича в атом важном деле был наведен образцовый порядок. Четкость ведения карт стала, можно сказать, идеальной. В Оперативном управлении стали применять единые условные цвета и знаки для определенного времени и любого вида боевых действий. Неукоснительное исполнение этого однажды установленного порядка и длительная практика позволяли легко читать обстановку с карты любого направления без пояснений. В высшей мере добросовестное отношение

офицеров и генералов ко всем "мелочам" службы избавляло от многих непроизводительных потерь времени и, главное, ограждало от ошибок.

Наряду со справедливой критикой новый начальник сразу же заметил все хорошее, что было в работе Оперативного управления, и одобрил, хотя, конечно, далеко не все наши генштабистские тонкости предусматривались наставлением по службе штабов.

Лишь после того, когда Алексей Иннокентьевич стал вполне свободно ориентироваться в делах Генштаба и хорошо изучил обстановку на всех фронтах, он отправился на первый свой доклад в Ставку Верховного Главнокомандования. Это случилось примерно дней через шесть после прибытия на новое место службы. Нам всем понравилась такая основательность: мы поняли, что новый начальник Оперативного управления представляет собой именно то, что нужно Генштабу. Такое мнение еще более окрепло после первых поездок Антонова в Ставку, когда не только все обошлось благополучно, но постепенно прекратились постоянные ненужные бдения в приемной. Не без помощи Антонова Верховным Главнокомандующим был установлен трудный и жесткий, но в целом необходимый и приемлемый регламент работы Генштаба, который сохранился на все последующие годы. При этом сам А. И. Антонов нес наравне с нами все тяготы службы.

Не прошло и месяца с момента назначения А. И. Антонова в Генеральный штаб, как он уже получил чрезвычайно ответственное задание - в качестве представителя Ставки разобраться в обстановке на Воронежском, Брянском, а несколько позже и на Центральном фронте, с тем чтобы внести конкретные предложения о дальнейшем использовании их сил. Командировка продолжалась с 10 января по 27 марта 1943 года. Как все мы понимали, это был для нового начальника Оперативного управления экзамен на зрелость. Видно, Алексей Иннокентьевич пришелся по душе Верховному Главнокомандующему, и теперь он желал окончательно убедиться, правильно ли решение Ставки, назначившей Антонова на один из самых ответственных военных постов. Иначе Алексей Иннокентьевич не получил бы подобной командировки.

Вопреки установившимся канонам Сталин считал, что хороший штабист никогда не подведет и на командной работе, но для того, чтобы быть полноценным штабным работником, надо знать жизнь войск. Поэтому ответственных работников Генштаба всех без исключения командировали на фронты очень часто и порой на продолжительное время. Такая практика в некоторых

случаях заметно ослабляла состав Генерального штаба, создавала дополнительные трудности в его повседневной работе. Однако у Верховного Главнокомандующего и на сей счет существовала своя твердо установившаяся точка зрения: он полагал, и, очевидно, не без основания, что "на месте Генштаб всегда как-нибудь выкрутится", а войсковая практика в боевых условиях полезна каждому генштабисту, тем более руководителю Оперативного управления.

Итак, 10 января 1943 года А. И. Антонов выехал в первую свою командировку на фронт в качестве руководителя одного из ответственейших управлений Генерального штаба. Советская Армия наступала тогда в трудных зимних условиях и одержала на указанных фронтах славные победы, но затем вынуждена была прекратить наступательные действия. А. И. Антонов, работая под руководством А. М. Василевского, вместе с командованием фронтов дал правильную оценку сложившегося положения. Эта оценка помогла Ставке разобраться в обстановке и перспективе ее дальнейшего развития на важнейшем в то время орловско-курском направлении.

Отличные знания, высокие организаторские способности, ясный ум и большая выдержка наряду с выдающимся оперативным дарованием, проявившимся уже в первое время работы А. И. Антонова в Генштабе, были для него лучшей аттестацией в глазах членов Ставки. По всем признакам получалось, что А. И. Антонову обеспечено длительное пребывание у кормила Оперативного управления. Но в отсутствие А. М. Василевского - а оно становилось все чаще и длительнее - на плечи Алексея Иннокентьевича ложился непомерный груз обязанностей начальника Генерального штаба. Исполнять одновременно две такие тяжелые должности, да еще во время войны, было не под силу даже Антонову. Убедившись в этом, Ставка освободила его от непосредственного руководства Оперативным управлением. Через пять месяцев пребывания в должности его начальника А. И. Антонов был назначен первым заместителем начальника Генштаба. Это позволило ему сосредоточить свои усилия на самом ответственном участке, практически возглавив Генеральный штаб. При этом, конечно, поддерживал контакт с А. М. Василевским, постоянно информировал его обо всем существенном, а взамен получал соответствующие советы и поддержку.

Большой труженик и блестящий знаток штабной службы, Алексей Иннокентьевич крепко держал в своих руках все нити оперативного руководства боевыми действиями многомиллионной армии. За счет своей богатейшей эрудиции и

тогда еще молодых сил он справлялся с этим безупречно. Представители Ставки, направляя свои доклады Верховному Главнокомандующему, непременно адресовали их копию "товарищу Антонову". Каждый знал, что Антонов предпримет по этим докладам все необходимое точно и в срок.

Без преувеличения можно сказать, что Алексей Иннокентьевич был человеком исключительным. Его отличительными чертами являлись прежде всего высокая эрудиция, общая и особенно военная культура, которые проявлялись в широте и глубине подхода ко всем вопросам работы, в речи, поведении, отношении к людям. За шесть лет совместной работы в Генеральном штабе мне ни разу не приходилось видеть его "вышедшим из себя", вспылившим, обругавшим кого-то. Он обладал удивительно ровным, уравновешенным характером, ничего, однако, общего не имевшим с мягкотелостью. Уравновешенность и задушевность у Антонова сочетались с редкой твердостью и настойчивостью, я бы сказал, даже с некоторой сухостью в официальных делах. Он не терпел верхоглядства, спешки, недоделок и формализма. На поощрения он был скуп, и заслужить их могли лишь люди думающие, инициативные, точные и безукоризненные в работе. Он очень ценил время и тщательно его планировал. Видимо, поэтому речь его отличалась лаконичностью и ясностью мысли. Враг длинных и частых совещаний, он проводил их только в исключительных случаях и всегда коротко. Кое-кто даже называл его педантом в делах и поведении. Но это суждение было опрометчивым: дело шло о другом, и мы, вместе с ним работавшие, хорошо понимали и были благодарны А. И. Антонову за его принципиальную последовательную требовательность, совершенно необходимую на военной службе, да еще в дни тяжелой войны.

Случается, что человек на работе бывает одним, а дома другим. Мне неоднократно приходилось бывать у Антонова в семье. В домашней обстановке он был приятным собеседником и гостеприимным хозяином. Его жена, Мария Дмитриевна, была ему под стать, а по характеру и отношению к людям чем-то даже на него похожа. Недаром говорят, когда муж с женой долго и хороню живут, они становятся похожими друг на друга. Все это можно отнести и к семье Антоновых.

***

Служба в Генеральном штабе никогда не была легкой, тем более в военное время. Главное место в ней занимали, естественно, сбор и оценка разведывательных данных и текущей обстановки на фронтах, разработка вытекающих отсюда

практических предложений и распоряжений, замыслов и планов предстоящих операций, планирование, обеспечение фронтов вооружением, боеприпасами и другими материальными средствами, создание резервов. Все это было очень сложно и не всегда осуществлялось так, как хотелось бы.

Как уже было сказано выше, И. В. Сталин с помощью А. И. Антонова установил порядок круглосуточной работы Генштаба и лично регламентировал время его руководящего состава. По этому распорядку самому Антонову - первому заместителю начальника Генштаба - полагалось находиться при исполнении служебных обязанностей по 17 - 18 часов в сутки. Автору этих строк, занимавшему с мая 1943 года должность начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с 14 до 18 - 19 часов. Точно так же были расписаны часы работы и отдыха для всех других руководящих работников.

Доклады Верховному Главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10 - 11 часов дня, обычно по телефону. Это выпадало на мою долю. Вечером, в 16 - 17 часов, докладывал обычно А. И. Антонов. Таким образом, ездить в Ставку Антонову приходилось ежедневно, а иногда и по два раза в сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба 1:200000 отдельно по каждому фронту с показом положения наших войск до дивизии, а в иных случаях и до полка. А. И. Антонов досконально знал, где что произошло в течение суток. Тем не менее он все равно перед каждой поездкой в Ставку в течение 2 - 3 часов тщательно разбирался в обстановке. Он связывался с командующими фронтами и начальниками их штабов, уточнял с ними отдельные детали проходивших или только еще планировавшихся операций, советовался с ними и проверял через них правильность своих предположений, затем готовил на этой основе свои предложения Верховному Главнокомандующему. Потом он вместе с начальником Оперативного управления рассматривал просьбы и заявки фронтов, а в последний час перед отъездом в Ставку просматривал и редактировал подготовленные на подпись проекты директив и распоряжений Ставки Верховного Главнокомандования.

Доклады Генерального штаба в Ставке имели свой строгий порядок. На доклад в Ставку вместе с начальником Генерального штаба из Генштаба ездил только, как правило, начальник Оперативного управления или его заместитель. А это обязывало последних знать все, что делается в Генеральном штабе и чем он располагает. Тут и данные о противнике, и данные о ходе оперативных перевозок, и укомплектованность фронтов, и

состояние резервов. Без этого не обойтись врн разработке оперативных предложений. После вызова по телефону мы садились в автомашину и по пустынной Москве отправлялись в Кремль или на ближнюю кунцевскую дачу Сталина. В Кремль въезжали всегда через Боровицкие ворота и, обогнув здание Верховного Совета СССР по Ивановской площади, сворачивали в так называемый "уголок", где находились квартира и рабочий кабинет И. В. Сталина. Через кабинет Поскребышева входили в небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего и, наконец, попадали к нему самому.

В левой части кабинета со сводчатым потолком и обшитыми светлым дубом стенами стоял длинный прямоугольный стол. На нем раскладывались карты, по которым докладывалась обстановка за" каждый фронт в отдельности, начиная с того, где в данный момент развертывались главные события. Никакими предварительными записями не пользовались. Обстановку докладывающий знал на память, и она была отражена на карте.

Кроме Верховного Главнокомандующего, на докладах, как правило, присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и члены Ставки. При необходимости вызывались командующие родами войск и видами Вооруженных Сил, начальник тыла Красной Армии и т, д. Они докладывали и давали справки по своим специальным вопросам.

Члены Политбюро садились обычно вдоль стола у стены лицом к нам, военным, и к большим портретам Суворова и Кутузова, висевшим на противоположной стене кабинета. Сталин слушал доклад, прохаживаясь у стола с нашей стороны. Правее письменного стола, стоявшего в глубине кабинета справа, на особой подставке белела под стеклом гипсовая посмертная маска В. И. Ленина. Изредка Сталин подходил к письменному столу, брал две папиросы "Герцеговина Флор", разрывал их и набивал табаком трубку.

Доклад начинался с характеристики действий своих войск за истекшие сутки. Фронты, армии, танковые и механизированные корпуса назывались по фамилиям командующих и командиров, дивизии - по номерам. Так было установлено Сталиным. Потом мы все привыкли к этому, и в Генштабе придерживались такой же системы.

Совместная работа с Алексеем Иннокентьевичем была хорошей школой штабной службы. Он обладал даром точного, ясного и краткого наложения мыслей, умел схватить и показать главное, отделить его от второстепенного. Как правило, его доклады в Ставке проходили гладко и не вызывали особых вопросов. Перед отъездом в Ставку мы заранее сортировали, если

так можно сказать, материалы, требовавшие решения Верховного Главнокомандования, и клали их в три разноцветные папки. В красную папку помещали документы первостепенной важности, неотложные для доклада в первую очередь, в основном приказы, директивы, распоряжения, планы распределения вооружения действующим войскам и резервам; в синюю - бумаги по вопросам второй очереди: различного рода просьбы; наконец, в зеленую папку - представления к званиям, наградам, бумаги по переводам и назначениям командного состава, которые шли через Генштаб, и другие документы.

Документы красной папки докладывались обязательно полностью. Алексей Иннокентьевич был необыкновенно настойчив и не уходил от Верховного до тех пор, пока все они не получали ход или подпись. Синяя папка докладывалась по мере возможности, но, как правило, ежедневно. Зеленая - только при благоприятной обстановке. Иногда нам не приходилось ее раскрывать по три-четыре дня, но бывало и так, что находившиеся в ней документы докладывались в первую же поездку. Алексей Иннокентьевич был мастер насчет правильного определения ситуации, позволявшей доложить тот или иной вопрос, и почти никогда не ошибался, говоря мне: "Давайте зеленую". Правда, И. В. Сталин вскоре раскусил эту нехитрую механику. Иногда он сам говорил, как бы предупреждая: "Сегодня рассмотрим только важные документы", а в другой раз обращался к Антонову со словами: "Ну, а теперь давайте и вашу зеленую".

В конце ежесуточного итогового доклада было принято представлять на подпись проекты директив, которые надлежало отдать войскам. Директивы Ставки подписывали Верховный Главнокомандующий и его первый заместитель или начальник Генерального штаба. Но так как в Москве, очень часто не было ни Г. К. Жукова, ни А. М. Василевского, вторым подписывался А. И. Антонов. Ему обычно, но уже одному, приходилось ставить свою подпись под документами, излагавшими распоряжения меньшей важности, которые заканчивались фразой "По поручению Ставки". Обычно они формулировались прямо в Ставке. Эти документы, как правило, не перепечатывались на машинке, а прямо в оригинале поступали в находившуюся неподалеку аппаратную узла связи и немедленно передавались на фронты.

У Верховного Главнокомандующего Алексей Иннокентьевич пользовался большим авторитетом за знание дела, за мужество, выражавшееся в прямоте и правдивости докладов, в которых ничто не приукрашивалось. Все всегда соответствовало истине, как бы горька она ни была. Видимо, авторитетом Антонов пользовался и за то, что осмеливался, если было нужно,

возражать Сталину и, уж во всяком случае, высказывать свое мнение.

При докладах командующих фронтами Верховный Главнокомандующий, как правило, спрашивал у нас, "каково мнение Генштаба", "рассматривал ли этот вопрос Генштаб", и Генштаб в лице Антонова всегда излагал свою точку зрения, которая во многих случаях не отличалась от мнения командующих фронтами, но раз о ней спрашивали, то она излагалась.

Верховный не терпел малейшего вранья или приукрашивания действительности и жестоко карал тех, кто попадался на этом. Так, в ноябре 1943 года начальник штаба Первого Украинского фронта был снят с должности за то, что не донес о занятии противником одного населенного пункта, откуда наши войска были выбиты. Можно вспомнить и другие случаи подобного рода. Естественно, что при докладах мы внимательно следили за формулировками. Само собой у нас установилось правило никогда не докладывать непроверенные или сомнительные факты. А их бывало достаточно. В донесениях, например, часто фигурировали фразы: "войска ворвались в пункт Н.", "наши войска заняли или (удерживают) окраину пункта Х.", и тому подобные неточные формулировки. Антонов в таких случаях докладывал: "наши войска ведут бои за пункт Н. (или Х.)", так как на опыте не раз убеждался, что это наиболее точная характеристика действительного положения на фронте.

***

Как-то уж повелось, что, говоря о людях интеллектуального творческого труда, имеют в виду работников искусства, литературы, реже техников и почти никогда - военных.

Между тем военное дело тоже требует и творческого вдохновения и высокоразвитого интеллекта. Подчас военным людям приходится обращаться с неизмеримо большим, чем другим специалистам, количеством исходных элементов и слагаемых, осмысление которых позволяет сделать определенные выводы и на основе их прийти к наилучшему решению.

В первую очередь все это относится, конечно, к руководящим военным кадрам. Военный руководитель должен хорошо знать не только военные вопросы и видеть перспективы их развития. Он обязан уметь ориентироваться в сложном переплетении политических, экономических, технических проблем, правильно понимать их и предвидеть возможное их влияние на военную теорию и практику, на войну в целом, на операцию и бой.

Особенно необходимы такие качества руководителям Генерального штаба Вооруженных Сил. Диапазон их деятельности

поистине огромен. На них лежит громадная ответственность за подготовку всех видов Вооруженных Сил и родов войск в мирное время и за правильное использование их в ходе войны. Кому-кому, а уж руководителю Генерального штаба всегда полагается заглядывать далеко вперед!

Но каким бы он ни был талантливым - один, как говорят, в поле не воин; помимо всего прочего, от него требуется умение опираться на коллектив, особым образом подобранный, подготовленный и организованный, при этом не обойтись без опытных заместителей и помощников, которые несли бы на себе часть руководства работой этого коллектива и, в свою очередь, обладали бы творческим, пытливым умом, незаурядными организаторскими способностями.

Генерал А. И. Антонов, будучи образцовым штабным работником и руководителем крупного масштаба, все это хорошо понимал и умело использовал творческий коллектив Генштаба. Алексей Иннокентьевич не только требовал от других, но и сам всегда тщательно обрабатывал документы и, как истый штабник с творческой жилкой, любил "поразмыслить", как он выражался, над картой. Как правило, он брал чистую карту, обычно 1:100 000 масштаба и за наклонным столом начинал графически прикидывать контуры будущей операции, чертить стрелки, указывая направления наступления, рубежи, куда войска должны выйти к определенному сроку, делать расчеты и пометки по составу войск.

Карта весьма наглядно выражала все то, что было необходимо оператору. Потом она передавалась начальнику Оперативного управления, который имел право со своими ближайшими сотрудниками ее "критиковать", если можно так выразиться. Наконец нанесенный на карте замысел обсуждался А. И. Антоновым вместе с начопером и начальником соответствующего направления. Сомнительное при этом отметалось, неясное уточнялось, добавлялось новое, и в результате на карте отображалась идея предстоящих действий того или иного фронта или группы фронтов с основными данными по размаху операций.

Теперь это уже был материал для обсуждения с командующими войсками фронтов, с представителями Ставки, а в последующем он докладывался Ставке.

А. И. Антонов, как и большинство операторов, часто излагал свои мысли графически или таблицей. Надо сказать, работе над картой, ее осмысливанию, раздумьям над ней ежедневно отводилось время, и всегда такая общая карта хранилась у него в сейфе.

Алексей Иннокентьевич после первой поездки почти не выезжал на фронты, так как обстановка не позволяла этого делать. Однако он держал постоянную связь с ними, ежедневно разговаривал по телефону с их командующими и начальниками штабов, читал донесения представителей Генштаба на фронтах и заслушивал доклады генералов и офицеров, прибывавших с фронтов. Кроме того, постоянными представителями Генштаба в действующей армии были офицеры Генерального штаба. Все это позволяло ему не только знать истинное положение на фронтах, их нужды и запросы, но и, как говорится, чувствовать биение пульса каждого фронта.

Командующие войсками фронтов, довольно часто бывавшие в Ставке, обязательно предварительно обсуждали в Генеральном штабе с А, И. Антоновым и его ближайшими помощниками свои планы и вопросы подготовки боевых действий.

Вот почему Алексей Иннокентьевич и мы, его соратники по Генштабу, всегда были в курсе дел и могли в любое время доложить Верховному Главнокомандующему все вопросы, касающиеся операций действующей армии и каждого фронта в отдельности.

С декабря 1942 года и до конца войны ни одна более или менее значительная операция Великой Отечественной войны не прошла без участия А. И. Антонова в ее планировании и подготовке. Автором замыслов и планов некоторых операций был он сам, а в планирование многих, начиная с Курской битвы, внес значительную лепту.

Ярко выраженная типичная черта его как оператора и стратега состояла в том, что в основу замысла операции он клал задачу сосредоточения сил и разгрома какой-либо определенной группировки противника и никогда не подменял ее только задачей захвата территории.

В связи с этим вспоминается эпизод, связанный с проведением наступательной операции, получившей условное название "Полководец Румянцев". К этому эпизоду имел отношение и Алексей Иннокентьевич.

Какого-либо единого письменного или графического документа с планом этой операции не было. Ставка и Генеральный штаб в данном случае подразумевали под этим условным наименованием не документ, а совместные действия войск Воронежского, Степного и отчасти Юго-Западного фронтов в августе 1943 года, объединенные общей целью и единым руководством.

Целью действий являлся разгром противника в районе Белгорода, Харькова, после чего перед советскими войсками

открывался путь к Днепру, появлялась возможность захватить там переправы и воспретить отход немецко-фашистским войскам из Донбасса на запад. В совокупности все это сулило нам большие оперативные выгоды.

Однако такой замысел требовал максимального сосредоточения сил фронтов на избранных направлениях. Генеральный штаб во главе с А. И. Антоновым тщательно следил за этим.

На четвертый день наступления выяснилось, что Пятая гвардейская армия А. С. Жадова и Первая танковая армия М. Е. Катукова действуют с нарушением принципа массирования сил. При докладе обстановки в ночь на 7 августа А. И. Антонов обратил на это внимание Верховного Главнокомандующего. По результатам этого своего доклада он подписал затем следующее указание командующему Воронежским фронтом генералу Н. Ф. Ватутину:

"Из положения войск Пятой гвардейской армии Жадова видно, что ударная группировка армии распылилась и дивизии армии действуют в расходящихся направлениях. Товарищ Иванов (так тогда условно именовался И. В. Сталин. Прим, авт.) приказал вести ударную группировку армии Жадова компактно, не распыляя ее усилий в нескольких направлениях. В равной степени это относится и к Первой танковой армии Катукова".

В тот момент сосредоточение усилий наших наступавших войск приобрело исключительную важность, поскольку сражение под Харьковом вступало в решающую фазу. Поэтому в ночь на 10 августа А. И. Антонов от имени Ставки Верховного Главнокомандования направил еще одну телеграмму, на этот раз адресованную представителю Ставки Г. К. Жукову. Речь шла опять-таки о сосредоточении усилий танковых армий на определенных направлениях, что ставило врага в крайне тяжелое положение.

Далее, однако, обстановка получила несколько неожиданное развитие. Противник срочно стал сосредоточивать в район сражения свои резервы (в основном танковые дивизии), намереваясь приостановить наше наступление, и нанес мощные контрудары: 11 августа из района южнее Богодухова, а 18 - 20 августа - из района западнее Ахтырки. В итоге ожесточенных боев 17 - 20 августа войска Воронежского фронта понесли здесь чувствительные потери. Местами были потеснены к северу и обе наши танковые армии.

Докладывая в ночь на 22 августа обстановку Верховному Главнокомандующему, генерал А. И. Антонов сделал вывод о том, что наши возможности выйти в тыл харьковской группировки

противника ухудшились. А произошло это потому, что командование фронтом недооценило нависающую угрозу, даже, правильнее сказать, проглядело ее. Продвижение наступающих войск продолжалось без достаточного закрепления отвоеванных рубежей и обеспечения флангов.

Вот тогда-то, после этого заключения А. И. Антонова, Верховный Главнокомандующий продиктовал директиву командующему фронтом Н. Ф. Ватутину, ставшую впоследствии известной всем командующим и штабам. Содержание ее отчетливо выражало центральную идею о том, что продвижение вперед в ходе наступления не должно превращаться в самоцель. В частности, в этой директиве было сказано:

"Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям".

Как известно, нашим войскам к моменту издания этой директивы удалось отбить контрудар противника. Действия правого крыла Воронежского фронта стали более организованными, и попытки противника приостановить наше наступление провалились.

Этим не замедлил воспользоваться И. С. Конев, командовавший в то время Степным фронтом. Его войска штурмом взяли Харьков, 23 августа в 21 час Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий доблестным войскам Степного фронта, освободившим при содействии Воронежского и Юго-Западного фронтов второй по величине город Украины.

С ликвидацией харьковской группировки противника закончилась и Курская битва, знаменовавшая новый исторический этап на пути к нашей полной победе над фашистской Германией. Впереди, был Днепр, освобождение Правобережной Украины, ликвидация блокады Ленинграда и другие славные боевые операции.

Алексей Иннокентьевич Антонов являлся последовательным выразителем советского военного искусства и его основных принципов: решительности, гибкости, маневренности.

Это проявлялось и в характере планов, над которыми работал А. И. Антонов. Именно в таком духе разрабатывался под непосредственным его руководством в Генеральном штабе общий

оперативный замысел, а затем и план действий в летней кампании 1944 года. В основу его были положены предложения командующих фронтами, которые знали обстановку до деталей. Все соображения командующих и военных советов фронтов по поводу летней кампании во второй половине апреля в Генеральном штабе были сведены воедино. Она представлялась в виде системы крупнейших в истории войн операций на огромном пространстве от Прибалтики до Карпат. К активным действиям надлежало привлечь одновременно не менее пяти-шести" фронтов. Дальнейшее изучение существа дела определило, однако, целесообразность проведения самостоятельной большой операции на львовском направлении, а также операций на выборгском и свирско-петрозаводском направлениях.

Теперь летняя кампания вырисовывалась в такой последовательности. Открывал ее в начале июня Ленинградский фронт наступлением на Выборг. Затем подключался Карельский фронт с целью разгрома свирско-петрозаводской группировки противника.

В итоге этих операций должен был выпасть из борьбы финский партнер гитлеровской Германии. За выступлением Карельского фронта без промедления следовали действия в Белоруссии, рассчитанные на внезапность. Затем, когда немецко-фашистское командование уже поймет, что именно здесь происходят решающие события, и двинет сюда свои резервы с юга, должно было развернуться сокрушительное наступление Первого Украинского фронта на львовском направлении.

Разгром белорусской и Львовской группировок противника составлял содержание главного удара Советских Вооруженных Сил в летнюю кампанию 1944 года. В то же время предполагалось проводить активные действия силами Второго Прибалтийского фронта, чтобы сковать войска вражеской группы армий "Север", которая, несомненно, сделает попытки обеспечить устойчивость соседа справа группы армий "Центр". И наконец, когда в результате всех этих могучих ударов враг понесет поражение, можно считать обеспеченным наступление на новом направлении - в Румынию, Болгарию, Югославию, а также в Венгрию, Австрию, Чехословакию.

В таком виде генерал Антонов доложил Ставке к концу апреля наметки плана летней кампании 1944 года. Они и послужили основой при формулировании в первомайском приказе Верховного Главнокомандующего политических целей Советских Вооруженных Сил. Этот праздничный приказ призывал войска очистить от врага всю землю нашей Родины и вызволить из гитлеровской неволи братские народы Польши, Чехословакии

и других стран Восточной Европы.

Алексей Иннокентьевич взял на себя нелегкий труд - лично разработать основы плана решающего наступления в летней кампании 1944 года, то есть Белорусской стратегической операции, получившей кодовое наименование "Багратион". Приступая к ее подготовке, он видел одну из первоочередных задач Генерального штаба в том, чтобы как-то убедить гитлеровское командование, что летом 1944 года главные удары Советской Армии последуют на юге и в Прибалтике. В связи с этим уже 3 мая командующему Третьим Украинским фронтом было отдано следующее распоряжение:

"В целях дезинформации противника на вас возлагается проведение мероприятий по оперативной маскировке. Необходимо показать за правым флангом фронта сосредоточение восьми-девяти стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией... Ложный район сосредоточения следует оживить, показав движение и расположение отдельных групп людей, машин, танков, орудий и оборудование района; в местах размещения макетов танков и артиллерии выставить орудия ЗА (зенитной артиллерии), обозначив одновременно ПВО всего района установкой средств ЗА и патрулированием истребителей.

Наблюдением и фотографированием с воздуха проверить видимость и правдоподобность ложных объектов... Срок проведения оперативной маскировки с 5 по 15 июня с, г.".

Аналогичная директива пошла и на Третий Прибалтийский фронт. Маскировочные работы он должен был осуществлять восточное реки Череха.

Противник сразу клюнул на эти две приманки. Немецкое командование проявило большое беспокойство, особенно на южном направлении. С помощью усиленной воздушной разведки оно настойчиво пыталось установить, что мы затеваем севернее Кишинева, каковы наши намерения.

Своего рода дезинформацией являлось также оставление на юго-западном направлении танковых армии. Разведка противника следила за нами в оба и, поскольку эти армии не трогались с места, делала вывод, что, вероятнее всего, мы предпримем наступление именно здесь. На самом же деле мы исподволь готовили танковый удар совсем в ином месте. Людьми и техникой в первую очередь укомплектовывались те танковые и механизированные соединения, которым предстояло в скором времени перегруппироваться на белорусское направление.

Приняты были меры и к обеспечению тайны наших намерений. К непосредственной разработке плана летней кампании в целом и Белорусской операции в частности

привлекался очень узкий круг лиц. В полном объеме эти планы знали лишь пять человек: первый заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генштаба и его заместитель, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Всякая переписка на сей счет, а равно и переговоры по телефону или телеграфу категорически запрещались, и за этим осуществлялся строжайший контроль. Оперативные соображения фронтов разрабатывались тоже двумя-тремя лицами, писались обычно от руки и докладывались, как правило, лично командующими. В войсках развернулись работы по совершенствованию обороны. Фронтовые, армейские и дивизионные газеты публиковали материалы только по оборонительной тематике. Вся устная агитация была нацелена на прочное удержание занимаемых позиций. Работа мощных радиостанций временно прекратилась. В учебно-тренировочные радиосети включались только маломощные передатчики, располагавшиеся не ближе 60 километров от переднего края и работавшие на пониженной антенне под специальным радиоконтролем.

Весь этот комплекс мер оперативной маскировки в конечном счете оправдал себя. История свидетельствует, что противник был введен в глубокое заблуждение относительно истинных наших намерений. К. Типпельскирх, в то время командовавший Четвертой немецкой армией, писал впоследствии, что генерал Модель, возглавлявший фронт в Галиции, не допускал возможности наступления русских нигде, кроме как на его участке. И высшее гитлеровское командование вполне с ним соглашалось, считая, однако, что наш удар в Галиции может сочетаться с ударом в Прибалтике. Развертыванию же советских войск перед группой армий "Центр" придавалось второстепенное значение.

Всю первую половину мая 1944 года шла черновая работа над планом летней кампании. Еще и еще раз уточнялись детали наступления в Белоруссии.

К 14 мая разработка Белорусской операции закончилась. Все было сведено в единый план и оформлено в виде короткого текста и карты. Текст с карты писался от руки генералом А. А. Грызловым, и 20 мая после нескольких дней раздумий его скрепил своей подписью А. И. Антонов.

По первоначальному варианту плана "Багратион" цель операции состояла в том, чтобы ликвидировать выступ неприятельской обороны в районе Витебск, Бобруйск, Минск и выйти на рубеж Диена, Молодечно, Столбцы, Старобин. Замыслом предусматривался разгром фланговых группировок противника,

охват флангов и прорыв центра его позиций с последующим развитием успеха по сходящимся направлениям на Минск. Все силы четырех наших фронтов - трех Белорусских и Первого Прибалтийского - нацеливались на группу армий "Центр".

В общей сложности против 42 неприятельских дивизий (по вашим тогдашним несколько заниженным подсчетам) , оборонявшихся в белорусском выступе, должны были наступать 77 наших стрелковых дивизий, три танковых корпуса, один механизированный, один кавалерийский, шесть дивизий ствольной артиллерии и три дивизии гвардейских минометов.

Генеральный штаб во главе с генералом А. И. Антоновым полагал, что такие силы гарантируют выполнение замысла операции. Однако вскоре выявилось, что количество дивизий противника несколько превышает наши данные, а слабый Второй Прибалтийский фронт не в состоянии надежно сковать войска группы армий "Север", и потому последняя может нанести чрезвычайно опасный для нас фланговый удар в полосе своего соседа справа - группы армий "Центр". По мере уточнения сил и средств противника план пришлось корректировать. Неизбежность этого мы в какой-то степени предвидели. Для того ведь, собственно, и намечалось организовать обсуждение плана с командующими фронтами примерно за месяц до начала наступления, с учетом последних данных обстановки и тенденций ее развития на ближайшее время.

Важнейшим элементом плана всякой операции является ее замысел. По плану "Багратион" замышлялось полное уничтожение основных сил противника, оборонявшихся в Белоруссии. Этот вопрос неоднократно и всесторонне обсуждался с начальником Генерального штаба А. М. Василевским и с первым заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуковым. Мыслилось, что разгром значительной части наиболее боеспособных неприятельских войск будет достигнут уже в период прорыва обороны, первая полоса которой была особенно насыщена живой силой. Поскольку противник резервировал свои войска мало, возлагались большие надежды на первый огневой удар по его тактической зоне. С этой целью фронтам и давалось такое большое количество артиллерийских дивизий прорыва.

В Ставке план обсуждался 22 и 23 мая с участием Г. К. Жукова, А. М. Василевского, командующего войсками Первого Прибалтийского фронта И. Х. Баграмяна, командующего войсками Первого Белорусского фронта К. К. Рокоссовского, членов военных советов этих же фронтов, а также А. А. Новикова, Н. Н. Воронова, Н. Д. Яковлева, А. В. Хрулева, М. П. Воробьева, И. Т. Пересыпкина и работников Генштаба во главе с А. И.

Антоновым. 24 и 25 мая был рассмотрен и план Третьего Белорусского фронта, которым командовал генерал И. Д. Черняховский.

В течение этих двух дней была окончательно сформулирована цель Белорусской операции - окружить и уничтожить в районе Минска крупные силы группы армий "Центр".

После того как план грандиозной Белорусской операции был тщательно откорректирован большим коллективом военачальников на заседании в Ставке и утвержден Верховным Главнокомандующим, Алексей Иннокентьевич настойчиво следил за проведением его в жизнь.

Я остановился сравнительно подробно на разработке плана одной лишь Белорусской битвы. Подобных примеров можно было бы привести много. Орден "Победа", которым Антонов был награжден за участие в разработке решающих операций войны, - высокая оценка Родиной его трудов. Этим орденом всего награждено 11 советских военачальников и среди них Алексей Иннокентьевич.

Рисуя портрет А. И. Антонова, нельзя хотя бы кратко не упомянуть о его деятельности в качестве военного представителя на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Антонов входил в состав советской делегации на конференциях в Ялте в 1944 году и в Потсдаме в 1945 году. Он готовил военные вопросы и вел там переговоры в различных комиссиях и на встречах с военными представителями союзников. Сталин знал, кого брать. Алексей Иннокентьевич в то время был, пожалуй; наиболее подготовленным для этой цели военным руководителем. Он был в курсе событий на всех фронтах, ему были хорошо известны планы советского командования и в пределах возможного - намерения союзников и все вопросы взаимодействия с ними. Помимо этого, как уже сказано, Антонов был очень точный человек, хорошо излагал мысли устно и письменно, обладал даром мало говорить, а больше слушать, что представляет несомненное достоинство при всяких переговорах. В общем он как нельзя лучше подходил для этой цели.

К каждой из этих поездок Алексей Иннокентьевич долго и скрупулезно готовился, прорабатывая различные варианты той или иной ситуации, которая могла возникнуть на конференции, изучал документы и запасался справками. Насколько мне известно, глава делегации был доволен его работой.

***

Заключительный период Великой Отечественной войны и первые послевоенные месяцы Алексей Иннокентьевич провел в

Генеральном штабе уже в качестве его официального начальника. В феврале 1945 года, в связи с тем, что Маршал Советского Союза А. М. Василевский стал командующим Третьим Белорусским фронтом, А. И. Антонов был назначен на должность начальника Генерального штаба, которую исполнял до 25 марта 1946 года. Когда А. М. Василевский вернулся на свой прежний пост начальника Генерального штаба, А. И. Антонов стал опять его первым заместителем и пробыл на этой должности до 6 ноября 1948 года, проработав, таким образом, в Генеральном штабе без малого шесть лет.

Около пяти лет А. И. Антонов служил в Закавказском военном округе. Он был назначен туда для получения командной практики. В течение года был первым заместителем командующего войсками Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина, а затем более четырех лет, до апреля 1954 года, командовал войсками этого округа. Он быстро освоился с делом и успешно выполнял свои обязанности. Ему помогла общая эрудиция, хорошее знание военного дела и большой опыт штабной службы. Следует заметить, что офицеры и генералы, имевшие опыт штабной службы, как правило, становятся хорошими командирами и командующими. Алексей Иннокентьевич с увлечением отдался новому делу, проводил учения, занятия с командирами, вносил много дельных предложений по организации и подготовке войск. Он оставил добрую память о себе в Закавказье у местных партийных и советских органов. Мне пришлось служить в Закавказье шесть лет спустя, и очень многие товарищи помнили Алексея Иннокентьевича и отзывались о нем с большой теплотой.

Начало пятидесятых годов нашего столетия было для Советского государства и других социалистических стран временем быстрого экономического подъема, широкого строительства и развития основ социализма, временем укрепления политического влияния в сфере международной жизни. Вместе с тем это был исторический период, когда силы империализма перешли к новым формам активной борьбы против социалистической системы. Отчетливо проявились признаки назревания военной опасности и угрозы новой мировой войны.

Одним из наиболее существенных и грозных признаков военной опасности была политика создания агрессивных военных блоков, инициатором и главой которых являлись Соединенные Штаты Америки. Особенно опасным для дела мира было возникновение в 1949 году и быстрое развитие Североатлантического союза, известного под именем НАТО, который вобрал в себя также и 15 европейских государств. Теперь

угроза безопасности странам социализма и всеобщему миру гнездилась уже непосредственно в центре Европы.

В блоке господствовали и продолжают хозяйничать США, проводившие политику "холодной войны" против СССР и стран социализма, политику гонки вооружений и раздувания военного психоза. Размахивая сверхмощным атомным оружием, Соединенные Штаты претендовали на мировое господство. Естественно, что к этой политике системой внутриблоковых обязательств и соглашений подключались все государства - члены НАТО с их высоким военным потенциалом. Положение усугубилось 5 мая 1955 года, когда членом НАТО стала Федеративная Республика Германии, руководящие круги которой вынашивали и провозглашали идею реванша. В ФРГ срочно формировался и вооружался бундесвер как будущее ядро ударных сил НАТО в Европе. С того времени руководящие круги ФРГ потянулись к ядерному оружию.

Пропаганда империалистических стран не скрывала, что острие Атлантического союза направлялось против Советского Союза и других социалистических стран. На глазах у всех блок НАТО усиливал подготовку к войне, наращивал вооружения, повышал боеспособность и боеготовность войск, создавал разветвленные органы военного руководства. Одновременно с этим продолжалась милитаризация экономики, росли военные бюджеты входящих в блок государств. Против социалистических стран и Советского Союза организовывались разного рода подрывные акции.

В то же время политика США, направленная на достижение целей мирового господства, как бы дублировалась в других районах земного шара. Там тоже под тем же руководством из Вашингтона и с той же антисоветской и антисоциалистической направленностью возникали военные блоки: в Юго-Восточной Азии - СЕАТО, на Ближнем Востоке - Багдадский пакт. Эти военные союзы, в свою очередь, нагнетали напряженность в районах своего влияния.

В создавшихся условиях у социалистических государств Европы не было иного пути, как сплотиться воедино на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который обеспечил бы отражение совместными усилиями возможной агрессии против них. И такой договор был заключен. Ныне его участниками являются Народная Республика Болгария, Венгерская Народная Республика, Германская Демократическая Республика, Польская Народная Республика, Социалистическая Республика Румыния, СССР и Чехословацкая Социалистическая Республика.

Существенным элементом организации Варшавского Договора явилось военное сотрудничество входящих в него стран. Такое содружество возникло впервые в истории человечества. Оно опирается на социалистические экономические системы, на власть народа во главе с рабочим классом при руководящей роли коммунистических и рабочих партий, на единую идеологию - марксизм-ленинизм, на общие интересы по защите революционных завоеваний и национальной независимости от посягательств империалистического лагеря, на единую цель - коммунизм.

Дело строительства военной организации Варшавского Договора было новым и ответственным во всех отношениях. Коммунистическая партия и Советское правительство предложили доверить должность начальника штаба армий стран Варшавского Договора генералу армии А. И. Антонову. Выбор его кандидатуры определялся многими политическими и военными соображениями.

Руководство и управление военной организацией Варшавского договора представляло собой прежде всего очень тонкую и сложную задачу. Опыта военного сотрудничества на столь широкой основе у стран социалистического лагеря в то время не имелось. Все приходилось налаживать с самого начала. Нужно было создать тесное боевое братство и разработать сложные вопросы взаимодействия многих армий и родов войск, различных по своей национальной форме, но спаянных единством политических целей и задач. При этом требовалось сочетать национальные традиции, характерные для армий каждой социалистической страны, в рамках единых военных взглядов и договорных обязательств.

КПСС, коммунистические и рабочие партии наших союзников и правительства стран Варшавского пакта взаимно согласились с кандидатурой А. И. Антонова как достойного человека, который был в состоянии возглавить штаб этого договора и способен правильно решать вопросы, стоявшие перед армиями социалистического содружества.

А. И. Антонов горячо взялся за это новое большое благородное дело. В короткий срок был налажен аппарат управления для армий стран Варшавского Договора, организовано обучение войск совместным действиям в современной войне. Неутомимый начальник штаба лично участвовал во многих учениях войск союзных стран, отдавая нашим друзьям бесценный опыт советского народа, добытый дорогой ценой в Великой Отечественной войне. На этом посту А. И. Антонов работал до конца своей жизни - до 18 июня 1962 года

- и внес большой вклад в общее дело упрочения военного могущества лагеря стран социализма.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Алексея Иннокентьевича Антонова перед Родиной, наградив его тремя орденами Ленина, орденом "Победа", четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова и Отечественной войны 1-й степени и медалями. Он был также награжден многими орденами и медалями социалистических и других государств.

Жизнь А. И. Антонова не была длинной, но сделал он для Советской Армии, для государства много. Вот почему советские люди, Вооруженные Силы СССР и братских социалистических стран с благодарностью называют Алексея Иннокентьевича в ряду имен славных сынов, составляющих гордость советского народа.